

**ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ
КОНФЛИКТ ПОНИМАНИЯ
РОССИИ
НОВОГО ВРЕМЕНИ**

**THE PARADIGMATIC
CONFLICT
OF UNDERSTANDING
RUSSIA NEW TIME**

А. В. Миронов ***

ORCID: 0009-0003-9429-2971

Г. А. Аванесова **

ORCID: 0009-0008-0143-3904

Anatoly V. Mironov ***

Galina A. Avanesova **

* Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», Москва, Россия

** Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

* Editorial Board of the Journal "Social and Humanitarian Knowledge"

Moscow, Russia
** Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Цель исследования – анализ отечественной и зарубежной социально-гуманитарной мысли относительно понимания России и ее дальнейшего цивилизационного развития.

Методологическая база исследования: теория цивилизаций Н. Я. Данилевского, парадигма изучения России в трудах Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. Н. Стрехова.

Результаты и их обсуждение. В статье изучаются два типа понимания России в Новое время – прозападный и пророссийский. Ситуация их противостояния стала очевидной в споре о России между А. С. Пушкиным и П. Я. Чаадаевым. Позже их конфликт проявился в разных парадигмах изучения России/СССР/РФ в гуманитарных науках. Либералы, марксисты видели в России лишь ее отсталость и неизбежность повторения

Objective of the study – is to analyze domestic and foreign socio-humanitarian thought regarding the understanding of Russia and its further civilizational development.

The methodological basis of the research: the theory of civilizations by N. Y. Danilevsky, the paradigm of studying Russia in the works of N. Y. Danilevsky, K. N. Leontiev, N. N. Strakhov.

Research results. The article examines two types of understanding of Russia in Modern times – pro-Western and pro-Russian. The situation of their confrontation became obvious in the dispute about Russia between A. S. Pushkin and P. Ya. Chaadaev. Later, their conflict manifested itself in different paradigms of studying Russia/USSR/RF in the humanities. Liberals and Marxists saw in Russia only its backwardness and the inevitability of a repetition

© Миронов А. В., 2023

© Аванесова Г. А., 2023

западного развития. Эти идеи претворялись в российских реформах в ходе трех последних столетий. Авторы же статьи основное внимание уделяют консервативно-пророссийской парадигме понимания России, которую создал Н. Я. Данилевский и развивали его последователи на базе теории цивилизаций. Но власть, высшие слои их идеи игнорировали. Лишь в конце 90-х гг. XX в. в РФ начал интенсивно расти массовый интерес к консервативной мысли империи, к традиционным религиям, к народной жизни и т. п. Стоит задача не допустить нового парадигмального раскола понимания отчизны в обществе и в науке РФ.

Перспективы исследования связаны с развитием в отечественной гуманитаристике цивилизационной теории Н. Я. Данилевского, интеллектуальным противостоянием новому парадигмальному расколу в понимании России и ее дальнейшего пути развития.

Ключевые слова: Россия в Новое время, западные реформы, раскол православия, когнитивная дезориентация общества, проевропейские (прозападные) и пророссийские умонастроения, либеральная мысль, социал-демократические идеи в России, российская научно-консервативная мысль, теория цивилизаций Н. Я. Данилевского, парадигмальный конфликт в понимании империи/СССР/РФ

of Western development. These ideas have been implemented in Russian reforms during the last 3 centuries. The authors of the article focus on the conservative-pro-Russian paradigm of understanding Russia, which was created by N. Ya. Danilevsky and his followers developed on the basis of the theory of civilizations. But the authorities, the upper strata ignored their ideas. It was only in the late 90s of the twentieth century that mass interest in the conservative thought of the empire, traditional religions, folk life, etc. began to grow intensively in the Russian Federation. The task is to prevent a new paradigm split in the understanding of the fatherland in society and in science of the Russian Federation.

Prospects of the study are connected with the development of N. Y. Danilevsky's civilizational theory in Russian humanities, intellectual opposition to the new paradigmatic split in the understanding of Russia and its further development path.

Keywords: Russia in Modern Times, Western reforms, the split of Orthodoxy, cognitive disorientation of society, pro-European (pro-Western) and pro-Russian mindsets, liberal thought, social democratic ideas in Russia, Russian scientific conservative thought, N. Y. Danilevsky's theory of civilizations, paradigm conflict in the understanding of the empire/USSR/RF

Дезориентация общественного познания в современной РФ

В условиях цивилизационного кризиса 90-х гг. XX в. властно-политические, олигархические круги, медийно-либеральные силы и кураторы с Запада рушили советский уклад жизни, а также присваивали ресурсы РФ. Вместе с тем понимание России у отечественных властных верхов, персонала корпораций, специалистов разных сфер, в т. ч. многих ученых-гуманитариев, являлось весьма неадекватным. Их оценки того, в каком состоянии находятся государства Запада и других континентов, каковы результаты их модернизации, какие цели ставят они по отношению к РФ, были также необъективными. Далеко не все специалисты ведущих сфер деятельности осознавали, что

Запад подчинял другие страны своей деструктивной политике, перекладывая издержки собственного развития на разные народы. Эти процессы рождали в мире стратегическую неопределенность.

На пике кризиса в РФ искажались также массовые процессы повседневного познания/понимания. В обществе не было политиков, журналистов, ученых, которые могли бы убедительно и правдиво объяснить населению, что происходит с государством. Основная часть граждан зачастую пребывала в состоянии когнитивного шока. Люди, осознавая гибельность утраты суверенитета, начинали активно обсуждать между собой погром советского уклада, пытаясь понять происходящее и сохранить свой жизненный мир. Но они не могли осмыслить выход из кризиса. Утратив навыки социальной самоорганизации, не владея приемами социального управления, граждане лишь понимали, что новая власть готовит им незавидное будущее.

Определенная часть ученых-гуманитариев, в т. ч. из академической среды, по своей воле стала внедрять в РФ зарубежные практики, обосновывать идейно-когнитивные стандарты Запада, нацеленные на трансформацию народов, государств в однополярном мире. С одной стороны, это были принципы мультикультурализма, инклюзивности, толерантности, защиты прав меньшинств и др.; с другой, в РФ внедрялась «культура отмены» – ослаблялась государственно-правовая система, разрушались вера и религиозные ценности, этнические традиции, институт семьи и т. п.

Скажем о других позициях в научно-гуманитарной среде. Они были присущи либо сторонникам советского социализма, либо дезориентированным профессионалам, которые не могли определить свои убеждения в новых условиях, либо патриотам России, отвергавшим либеральные методы анализа в науке. Вместе с тем к середине 1990-х гг. эта среда осознавала важность осмысления России, как активного субъекта мировой истории, а также неизбежность формирования в отечественной науке целостных представлений о современной РФ. Эти группы понимали трудности создания новых методов анализа и способов обновления отечества; их настроения, по сути, рождали запрос на научную парадигму россиеведения, отсутствующую в СССР и в РФ. Подчеркнем: аналогичная потребность давала о себе знать в России не впервые; она осмыслялась в империи по ходу XIX в.

Раздвоение когнитивных позиций в понимании России XIX в.

В первой половине XIX в. развитие государства, социально-культурные процессы в империи не могли быть поняты отечественными аналитиками без современных подходов в их изучении. Архаисты и славянофилы выясняли некоторые особенности России, связанные с православием, государством, с русским народом, развитием русского языка. Но в споре между А. С. Пушкиным и автором «Первого философического письма» П. Я. Чаадаевым появи-

лись не проясненные аспекты развития российского государства, общества и русского народа.

Ныне позиции философа и поэта для нас важны, ибо аналитики до этого не поднимали проблему осмысления России в глубоких метафизических ракурсах, в исторически значимых масштабах. Позиция Чаадаева все сводила к тому, что власти и народ не хотели менять Россию к лучшему по европейским нормам. Но сам Чаадаев, по сути, раскрывал чуждое понимание России, познавательно отъединяя читателей от отечества и от самих себя.

Пушкин, прочитав статью Чаадаева, стал полемизировать с автором, владеющим философским анализом¹. Но поэт в споре не выступал учеником; скорее наоборот – он был более уверенным, глубже мыслил, оспаривая идеи Чаадаева о будто бы неверном выборе русскими религии – восточного христианства вместо католичества, о нашествии на Русь монголов, о якобы беспричинном уходе на проживание подданных не на запад, в Европу, а на восток, в Сибирь. В судьбах России Пушкин видел иные, более фундаментальные основы нашей истории и конструктивные свойства русского сознания. Он был уверен, что выбор веры зависит от провиденциальных сил, ибо не всё в этом мире могут изменить разум, воля человека. Поэт учитывал также реальные цели властей, практические стремления народов страны. Его позиция в целом была консервативной, хотя допускала умеренные инновации. Главное, что поэт не отчуждал население от прошлого, от государства и насущных проблем, но мотивировал своих читателей любить Россию, а если надо, то и защищать ее.

Попытки общества преодолеть раздвоенность в понимании России

Разница мнений философа и поэта в трактовке отечества становилась устойчивой тенденцией в высших слоях, в образованной среде. По степени активности здесь доминировали сторонники Чаадаева – аристократы, интеллигенция, учащаяся молодежь. В ходе XIX в. эта среда, намереваясь спасти Россию, увлекалась самыми разными политическими идеями и проектами Запада – от либерализма, буржуазной благонамеренности до анархизма и радикального марксизма. В этой среде появлялись тексты с критикой России; но по жанру это была слабая публицистика с «призывами к топору», с рассуждениями о гибельности традиционного развития и др.

Сторонники позиции Пушкина были в основном патриотами. Именно для них русские писатели, поэты создавали чарующие образы отчизны, не скрывавшие при этом невзгоды, культурные контрасты в обществе. Однако отображение разных издержек не было для авторов самоцелью. Скорее литература сплавивала читателей, мотивируя их трезво смотреть на жизнь,

¹ Чаадаев был учеником французского философа-консерватора Жозеф де Местра.

любить родину, сохранять душевную отзывчивость. Но наступало время, когда только поэзия и публицистика уже не могли удовлетворить запросы любознательной среды в понимании отечества. В середине XIX в. философы И. В. Киреевский, Н. Н. Страхов, поэт, литературный критик Ап. Григорьев углубляли идею народности (на языке Модерна – идею национальности), как альтернативу космополитизму. Понимая, что немалая часть населения смутно представляла имперское общество в целом, они призывали развивать философию и научный анализ России в фокусе народности. По их мнению, такой синтез позволит сблизить русское и нерусское самопознание, усилит умственную самостоятельность разных сословий, консолидирует народы империи (Ильин, 2008. С. 235–544). Патриотическая среда рождала запрос на целостное, доступное грамотной аудитории понимание России с помощью науки, философии и на базе народного, т. е. одухотворенного чувства отчизны. На этот запрос отозвался Н. Я. Данилевский (1822–1885 гг.) теорией о локальных цивилизациях, где парадигмально-консервативный анализ России был проработан весьма основательно (Данилевский, 2003).

Исследования империй и крупных сообществ учеными Западной Европы

В Новое время в ряде стран Европы осуществлялось изучение крупных государств, а также их культурной интеграции на сопредельных пространствах. Эти исследования стали возможными через национально-заинтересованное осмысление консолидированной жизни этих сообществ. Анализ проводился на базе философско-теоретических, исторических идей о сложных структурах: масштабных государствах, имперских народах, которые создавали новые культурные системы. В период Модерна значение столь сложного анализа росло, ибо позволяло осознавать населению многих стран свою роль в макрорегиональном единстве и взаимодействии. Ученые же, изучая такие структуры, учитывали древние смыслы, народные ценности, национальные символы, позволявшие понять европейские этносы и государства как культурно-историческое единство. Такой анализ особо вдохновлял немецких мыслителей, которые в XVIII–XIX вв. были обеспокоены тем, что их земли оставались разрозненными в то время, как в Европе существовали сильные империи.

Уже тогда было известно, что первичные гетерогенные системы появлялись на базе государств Древнего и Средневекового мира, где они обретали форму мощных империй (как Византия, затем Россия и др.). Позже рождение осевых цивилизаций было сопряжено с появлением мировых религий, конфессиональных систем – даосизма, конфуцианства, буддизма, христианства, ислама. История создавала уникальный пример Древней Индии, где разнородные сообщества объединялись трудно и долго через войны, кастовое

размежевание, опираясь на местные низовые религии. Так появилась индустриальная цивилизация, которая и ныне не имеет аналогов своим уникальным формам в других культурных типах. Чаще цивилизации возникали на базе одной из мировых религий и центрального государства (или группы стран). К нему с его религией начинали тяготеть сопредельные сообщества, осваивая его основные культурные достижения. Таковы дальневосточная (во главе с Китаем), европейская/христианская, арабо-мусульманская цивилизации и др. Ныне в мире существуют 6 цивилизаций, которые охватывают не все население планеты (Сравнительное изучение... 1998).

Парадигмальные основы изучения России в цивилизационной теории Данилевского

В середине XIX в. Данилевский глубоко переосмыслил указанный выше материал ученых Европы. Он распознавал в имперских народах, в полинациональных союзах прошлого локальные цивилизации. Наш теоретик и его сторонники рассматривали некоторые предпосылки появления цивилизаций, но научных материалов на этот счет у них было немного. Сам Данилевский прорабатывал особенности романо-германской (европейской) и будущей, по его мнению, «всеславянской» (русской) цивилизации, затрагивал также исчезнувшие культурные типы. Во второй половине XIX в. консерваторы, дополняя анализ славянофилов российского государства, православия, русского народа, не случайно развернули изучение отечества как империи, полиэтнического, поликонфессионального сообщества, как цивилизации в прошлом и настоящем. В сбалансированном гетерогенном обществе ученый усматривал расширение возможностей к современному динамичному развитию России; в то время как диспропорциональное многообразие, беспорядочное копирование достижений других цивилизаций рождали бы препятствия на этом пути. Выход из противоречий он видел в культурной консолидации населения и высших слоев в пределах своей – русско-русской, но не западноевропейской, цивилизации.

Цивилизационный подход усложнял анализ России; но при этом он позволял изучать состояние общества в неразрывной связи со стадиями его истории и предыстории, оценивать конструктивный потенциал новшеств, создаваемых, как в России, так и в Европе, разрабатывать реформы на основе отечественных реалий, заимствуя лишь те достижения Запада, которые в адаптированной форме укрепляли бы безопасность государства и общества. Научная парадигма, разработанная ученым, задавала макро-масштаб анализа России: в ней апробировались фундаментальные подходы, междисциплинарные методы и новые понятия, а также прояснились глубинные смысловые фокусировки анализа, которые прозревал Пушкин. Парадигма заключала в себе критерии истины, правдоподобия, заблуждения при объяснении сложных

фактов, исторических процессов. Определяя специфику анализа отечественного государства/цивилизации, парадигма не всегда позволяла понять проблемы, неразрешимые на той или иной фазе истории. Аккумуляция проблем такого рода вела к тому, что порой сами аналитики не понимали Россию; но со временем эти трудности рождали новые повороты в осмыслении страны и разрешались.

Из определения следует, что парадигмальный жанр в гуманитаристике специфичен. Парадигма понимания того или иного общества могла опираться, например, на статьи Конституции. Но ее не следовало смешивать с историей, с политическими программами, с воззрениями на народ или государство даже образованных сословий или компетентных страт. Этот жанр отличен от богословского анализа (хотя и учитывает его отдельные принципы анализа, выводы). Научная парадигма далека и от политической идеологии. Между тем в империи не было идеологии современного типа; самодержцы властвовали, исходя из ситуативной прагматики, отдельных идеологических норм, из традиций, в т. ч. религиозных. Ими был принят невнятный императив «православие, самодержавие, народность». Но все в империи знали, что православие расколото; а смысл понятия народности оставался размытым для образованных и массовых слоев населения.

Личные когнитивные качества ученых нередко приобретали в россиеведении немалую значимость, как это было и с Данилевским, зоологом, ботаником по образованию, профессии. В этом сказались его врожденные задатки, опыт работы с теоретическим аппаратом естествознания и то, что он был квалифицированным специалистом-прикладником Министерства государственных имуществ. Молодой ученый выезжал в научные экспедиции, которые возглавлял известный на Западе немецкий натуралист К. Бэр, приглашенный работать в Россию. Бэр стоял на позициях интуитивной натурфилософии, влияя на Данилевского, как на естествоиспытателя. Позже, выезжая в самостоятельные экспедиции, наш аналитик изучал отрасли сельского хозяйства, промыслы, наблюдая бытовые и трудовые традиции людей в империи, иных странах. В Персии, Норвегии он отслеживал использование природных ресурсов. Одновременно он развивал у себя навыки распознавания социально-культурных противоречий, кризисных коллизий разного характера и масштаба. При этом он не сблизил бездумно общество с закономерностями развития животного мира, хотя в целом исходил из того, что люди, животные, растения являются неотъемлемой частью земной природы.

Разработка концептуально-методической парадигмы россиеведения

Ниже рассмотрим концептуально-теоретический инструментарий и методы, задействованные Данилевским в парадигме россиеведения. Сначала укажем методологические направления, междисциплинарные области, ана-

литические приемы, используемые ученым. Уточним: мы применяем прежние и нынешние их названия. Во второй половине XIX в. ряд направлений и методов еще не имели наименований в науке; аналитики только начинали с ними работать. Так, Данилевский выработывал приемы анализа, исходя из широкого понимания термина «культура»; но лишь в 90-х гг. XX в. в науке РФ официально оформилась межпредметная область культурологии с ее дисциплинами, методами, терминологией, к отработке которых ученый прилагал усилия сто лет назад.

В изучении России автор применял цивилизационный, историософский, онтологический, экзистенциальный, гносеологический, социальный, социологический и другие подходы анализа. Он стал в отечественной науке зачинателем прикладных форм знания или разрабатывал междисциплинарные области – политологию, геополитику, госуправление, науковедение, страноведение, антропологию, культурологию, этническую психологию и др. Ученый развивал системно-функциональный метод, впервые использовал приемы цивилизационной компаративистики, сопоставляя этнические, национальные уклады жизни народов; при этом учитывались и общечеловеческие качества их развития. Многие когнитивные ракурсы и приемы применялись по отдельности или в логике многоаспектного изучения объекта, что было внове для исследователей и любознательных читателей.

Скажем о сферах общественной жизни в их содержательно-организационных аспектах, с помощью которых ученый исследовал цивилизации. Он выделял в теории четыре ведущие сферы: религиозную активность; культурную в узком смысле (искусство, мораль, наука, образование); политическую и общественно-экономическую активность. В ходе анализа становилось ясно, что все сферы тесно связаны между собой; в истории и в жизненной практике они сливались или пересекались друг с другом. Так, военная активность подчинена политике; при этом у военной среды были свои образовательные центры; военные проблемы отображались в искусстве, изучались в науке. Автор учитывал эти пересечения и взаимосвязи.

Данилевский также анализировал те виды активности, которые нельзя отнести лишь к одной из сфер. Межэтнические взаимодействия пронизывали все сферы. Так, известно, что связь людей с окружающей природой осуществляется не только через экономику/труд, но и через рекреацию, здоровье населения, через эстетические чувства к природе. Помимо этого, ученый предвидел новые сферы активности, которые должны появиться в будущем; в его время начиналось их развитие. Так, он ратовал за создание общественно-политической пропаганды, аналогичной той, какую внедряли в то время страны Европы. Имперскую пропаганду ученый видел нацеленной на распространение русско-российских целей, идей, смыслов развития (в т. ч. Всеславянского союза), адресованных населению России и Европы.

Данилевский изучал также издержки управления, связанные с подготовкой преобразований в империи. По мнению ученого, реформы изначально следовало бы наделять сугубо российским характером – по замыслу, целям, способам реализации, итогам. Их реализуют отечественные политики, проектировщики, ученые с глубоким пониманием различий России и стран Запада. Вначале сложные инновации апробируются с помощью активных социальных групп, что позволит скорректировать возможные ошибки, издержки. Вслед за этим преобразования охватывают широкие круги населения. В этом цикле идеи и технологии Запада адаптируются к российским условиям, тем самым создавая новый междивизиационный синтез.

Применение культурно-мировоззренческого подхода

Охарактеризуем культурно-мировоззренческий подход, примененный в анализе связей между властью и народными слоями. Аналитик исходил из цивилизационного принципа самосохранения отечественной государственности и народа, когда изучались возможности выхода из подчинения Золотой Орде. Но после религиозного раскола, по мере присоединения новых народов и территорий Московия становилась Россией – империей цивилизационного типа. Прежнее мировоззренческое, т. е. соборно-духовное единение властей с церковью, православными верующими ослаблялось, а затем становилось невозможным. Главный фактор отъединения власти от верующих ученый связывал с чуждой мировоззренческой и культурной основой восприятия России и мира, с изменением образа жизни высших слоев, интеллигенции, предпринимателей, т. е. с их «европейничанием». В этом случае в обществе возникали необратимые социальные разногласия, этнические конфликты, духовная вражда, религиозный раскол. Ученый был первым, кто обосновал эту опасность на языке научной теории.

Последователи Н. Я. Данилевского в науке Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев, принимая его теорию, углубляли ведущие ее направления – критику издержек западной цивилизации и «европейничания» высших слоев империи, обоснование важной роли российского взгляда на мир и на свою страну, укрепление народных форм познания/понимания и т. п. Но по ряду аспектов единомышленники Данилевского выдвигали альтернативные оценки, новые смыслы, которые развивались в жизни, но не нашли отражения в теории. Так, они отвергали политику власти, вызвавшую раскол православия; Данилевский специально не изучал этот вопрос. Леонтьев «приглядывался» к идеям социализма на Западе (Леонтьев, 2010); Данилевский к трудам Маркса не обращался. Леонтьев, Страхов не видели оснований для вхождения в империю славян Западной Европы, на чем настаивал Данилевский. Позиция ученого в последнем вопросе, пожалуй, одна из ключевых в его теории; однако она не подтверждена историей до сего времени. Между Данилевским и его сто-

ронниками складывалось творческое взаимопонимание. Автор не возражал против развития его идей, что рождало научные дискуссии вокруг его теории, в т. ч. ее прикладных аспектов.

Раскрывая последний вывод, сошлемся на статью Н. Н. Страхова о поляках, поневоле оказавшихся в России в конце XVIII в. (Страхов, 2010). Автор фиксирует факт: поляки-католики в середине XIX в. так и не адаптировались к обществу; здесь они бунтуют, презирают правителей и коренные народы. Их сопротивление ослабляет единство гетерогенной империи. Автор настаивает: в этой ситуации общество, власть должны дать полякам право выбора своего цивилизационного статуса – европейского или российского. Их выбор первого варианта потребует предоставить им свободу выхода из империи. За такие идеи автора крепко ругали «просвещенные» россияне, которые «европейничали»; его перестали печатать журналы. Но появление труда «Россия и Европа» показало, что позиция Страхова обрела теоретический фундамент в трактовке сложных национально-мировоззренческих процессов в российской цивилизации. Польский вопрос остро обозначил проблему критериев, которые в свое время мотивировали власть интегрировать в православную империю часть крупной католической страны Западной Европы. Н. Страхов своим анализом углублял государственно-цивилизационный и прикладной векторы в теории Данилевского.

Устойчивость и уязвимость российского культурного типа

Данилевский первым в мировой науке смоделировал и осмыслил полиморфную структуру российской цивилизации – государственность, хозяйственно-трудовые занятия людей, их социально-общественные, межэтнические, природно-экологические, бытовые связи, духовно-религиозные, научные, художественные запросы и др. Все эти аспекты выражали парадигмальную полноту и сложность российской жизни XIX в. Более того, ученый констатировал, что в этой структуре разные стороны, компоненты, многочисленные субъекты и их отношения «имеют свои корни, свой ход и темп развития; множество этих сторон идут параллельно, переплетаются, и взаимно действуют друг на друга... Этой сложности распутать невозможно» (Данилевский, 2003. С. 398). Глубина авторского вывода была оценена учеными в конце XX в., когда аналитики с помощью новых подходов, технических приемов обработки цифровых данных пытались понять эти запутанные взаимодействия внутри цивилизаций и в межцивилизационных связях. Они убеждались, что во всей полноте многомерные сопоставления остаются недоступными для рационально-теоретического осмысления.

Ныне мы сделаем еще один важный вывод: сверхсложная структура российской цивилизации, а также ее системные механизмы саморазвития придавали глубокое своеобразие коллективному ее субъекту – историческим

поколениям российского общества; они сохраняли в разных формах отечественной государственности свою жизнеспособность, самобытность на протяжении тысячелетия. Вместе с тем их разнородная, консолидированная жизнедеятельность заключала в себе и потенциалы скрытой деструкции, масштабной неустойчивости. Такие потенциалы могли по разным причинам пробуждаться, сливаясь с ситуативными трудностями, с, казалось, давно забытыми обидами народов, с антипатиями сословий и страт друг к другу. Одна из таких скрытых форм неустойчивости связана с гетерогенными этноконфессиональными анклавами, интегрированными властью из сопредельных цивилизаций, а также с сообществами, имевшими межцивилизационный, пограничный статус. Так, власть присоединяла к стране народы или по их просьбе (малороссов в XVII в. и др.), или насильственно (поляков в XVIII в., западных украинцев в XX в.). Анализ Н. Страховым польской проблемы вскрывал, сколь непредсказуемыми и опасными могли стать в будущем подобные присоединения.

Сам Данилевский обосновал условие культурного единства масштабного сообщества: изначально цивилизации зарождаются, затем развиваются народами, не только живущими рядом, но и предрасположенными друг к другу, близкими по духу, психике, способными трудиться и жить вместе. Через сто лет Л. Н. Гумилев назвал эту психо-душевную, слабо осознаваемую обществу предпосылку консолидации комплиментарностью (Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М., 2001. С. 43–45). В империи / СССР было, помимо поляков, немалое число таких некомплементарных народов, что, конечно, сказалось на двойном распаде страны в XX в.

Судьба парадигмы россиеведения в империи, СССР

При жизни Данилевского его труд был позитивно оценен авторитетными для национального сознания писателями, поэтами – Ф. М. Достоевским, Ф. И. Тютчевым, А. Ф. Писемским, А. А. Фетом и др. Ряд крупных ученых-гуманитариев тоже активно поддержали воззрения мыслителя (Ефремов, 2006). Немаловажно и то, что сразу после выхода своей книги автор обрел сторонников в науке, о чем выше мы упомянули. Однако в империи были ученые, невразумительно критиковавшие Данилевского с либеральных позиций; его российский патриотизм считали реакционным, ненаучным (Вл. С. Соловьев, П. И. Милюков и др.).

Более драматичными факторами, негативно повлиявшими на судьбу исследования «Россия и Европа», были другие обстоятельства. На рубеже XIX–XX вв. множились явные признаки грядущих перемен в стране и мире, что могло пробудить особый интерес к труду Данилевского; но не пробудило. В России стали появляться политические партии, религиозные организации, разные по целям, программам. Между ними сохранялась мировоззренческая

поляризация – прозападная, задававшая тон, и пророссийская, «пушкинская», только начинающая утверждаться в политике и общественном мнении. Но программы монархических, народнических партий, казачьих организаций, по-разному отражая российский патриотизм, не использовали ведущие идеи Данилевского. Сами же идеи ученого в целом были недоступными для освоения порой и образованным людям. Не случайно в этот период не оказалось гуманитариев, которые смогли бы конвертировать тезаурус теоретического исследования «Россия и Запад» на язык политических дискуссий и массовой пропаганды.

На рубеже XIX–XX вв. руководители партий, чьи цели и задачи базировались на смыслах, принципах западной мысли – либеральных, социал-демократических, соглашательского или радикального марксизма и др. – обходили вопрос о России, как цивилизации, о возможности ее самобытного развития. Враждебные силы Запада активно осваивали в империи практику нейтрализации в массах пророссийских позиций, продвигая к власти партии с европейскими целями, идеями. Сторонникам западных воззрений удалось добиться отречения от власти Николая II. Государство возглавило временное правительство, утвердив республиканское правление. Но в силу полной некомпетентности его быстро свергли радикалы из РСДРП(б) и захватили власть. Они намеревались реализовать проект Маркса, нацеленный на уничтожение классового неравенства, на создание справедливого социального устройства и др. Следующие 10–15 лет внутри партии шла борьба группировок за лидерство, за разные варианты строительства социализма – по Марксу, по Ленину, Троцкому или по Сталину. При этом проект социализма оставался препарированным европейским продуктом «на вынос» в другие страны и цивилизации. Западная Европа и США утопию Маркса отвергли.

Советский марксизм в силу его чуждого генезиса принципиально не мог стать устойчивой парадигмой для понимания России; он был не в состоянии долгосрочно мотивировать активность народных масс Евразии в труде, защите отчизны, в повседневной жизни. Лишь отдельные компоненты теории и практики советского марксизма пересекались с моральными ценностями, трудовыми нормами, социальными ориентирами населения страны. Более того, прагматическая политика Сталина, не отказываясь от утопии Маркса, в условиях индустриализации 1930-х гг. стимулировала в массах народные трудовые традиции, а в период ВОВ – также русскую отвагу, боевой настрой, веру в победу. В итоге создавалось мнение, что политика партии эффективна; однако забывалось, что трудолюбие, патриотизм, непримиримость к врагам у народов Евразии формировались веками, задолго до марксизма. Следует признать, что политика Сталина была на протяжении 1930–1940-х гг. единственно верной в сложившихся обстоятельствах. В этом видится основной вклад Сталина в сохранение отечественной государственности того периода.

Но спонтанным или сознательным сторонником консервативных идей Данилевского, как ныне характеризуют вождя некоторые аналитики, Сталин не являлся; он всегда был приверженцем социализма Маркса и Ленина. В СССР труд Данилевского был недоступным для массового читателя.

В СССР после смерти вождя первыми начали отторгать – скрыто, непублично – правоту марксизма партийные верхи, государственная, хозяйственная номенклатура. В 1980-е гг. многочисленные организации под разными предложениями начали расхищать природные и производственные ресурсы, имевшие в СССР статус общественно-государственной собственности. В РФ эти ресурсы переходят к частным собственникам – как отечественным, так и иностранным. Эти процессы распада страны и развала культуры достигли своего пика на рубеже миллениумов – в 90-е и нулевые годы.

Выводы, обобщения, прогнозы

В Новое время власти России/СССР периодически проводили реформы, заимствуя западные технические образцы, отбирая чуждые для населения социальные нормы труда, внедряя «прогрессивные» идеи. Советские правители стали осуществлять марксистскую модель утопического будущего. По мнению правящих слоев, подобные преобразования неизбежно усилят империю/СССР, сделают государство мощным, прогрессивным. Доля объективной истины в такой политике имела. Но нельзя забывать о колоссальных издержках таких преобразований; они подрывали традиционную основу российской цивилизации, усиливая социальную сегментацию, конфликтный потенциал общества.

Особенно опасными становились расхождения в культурной, духовной, познавательной сферах общественной жизни. Так, в XIX в. стал очевидным когнитивный конфликт в понимании России двух типов общего умонастроения – пророссийский и проевропейский. Эти опасные разломы массового сознания, деструкция позитивного образа России в общественном мнении и психологии неизбежно углубляли кризисы разной силы, а также вели к катастрофам государственного распада. Указанные аспекты обновления общества, расколы в понимании России теоретически осмыслены в середине XIX в. Н. Данилевским. Однако его теория цивилизаций в империи/СССР так и не стала востребованной властными кругами, подчас отторгалась и специалистами, была неизвестной массовому читателю.

Лишь в условиях глубоких катаклизмов – развала СССР, хищнического присвоения общественных ресурсов РФ и т. п. у широких слоев населения пробуждался патриотизм и критический анализ происходящего на бытовом уровне. Уже в конце 90-х гг. XX в. начал бурно расти массовый интерес к консервативной мысли империи, к традиционным религиям, к народным формам жизни и т. п. Первым в Новой истории политическим лидером, который

обнаружил понимание идей Данилевского, стал президент РФ В. В. Путин. В одном из публичных выступлений 10-х гг. XXI в. он произнес: «Россия является цивилизацией!» Его пояснение ключевого термина – цивилизация – раскрывало, что он применяет его в соответствии с теорией Данилевского. Все это говорило о том, что в общественной жизни стали заявлять о себе гражданские запросы, народная воля, принципиально меня обстановку в РФ.

Однако авторы полагают, что на этом динамическом фоне довольно инертной остается отечественная гуманитарная мысль. Основную причину этого мы связываем с относительной инерционностью в условиях стремительных перемен аналитических процессов; ученые-гуманитарии не могут следить лишь за калейдоскопом событий и проводить опросы на ситуативные темы, тут же анализируя их результаты. У обществоведов есть свои фазы замедленных наблюдений и есть периоды динамичных нагрузок.

К тому же все методологические системы и парадигмальные базы прошлого, включая теорию цивилизаций, понимание России Данилевским, ныне проходят проверку на актуальность, достоверность. Часть современных гуманитарных концепций приобретут чисто историческую значимость. Именно поэтому мы откладываем в «долгий ящик» советский марксизм и все оттенки неолиберальных теорий. Пока наша наука не располагает парадигмой изучения современной и будущей России. Но мы тщательно тестируем на достоверность все концептуальные повороты, прогнозы и мнения нашего крупнейшего теоретика Нового времени. В целом авторы смотрят в будущее России и отечественной гуманитарной мысли с оптимизмом, уверенные в том, что не повторится раскол нашего общества на сторонников либо русского, либо западноевропейского (а может быть, индуистского, буддийского и т. п.) развития.

Список источников

Гумилев Л. Н. Сочинения. Конец и вновь начало / Л. Н. Гумилев; составитель Н. В. Гумилева; [Предисл., коммент., общ. ред. А. И. Куркчи; Фонд «Мир Л. Н. Гумилева»]. – Москва: Библ. информ. объединение «Танаис»: ДИ-ДИК, 1994. – 541 с. – ISBN 5-87583-006-9.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культур. и полит. отношения славян. мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – Москва: Известия, 2003 (ФГУП Изд-ва Известия УД П РФ). – 605 с. – (Мыслители России: МР); ISBN 5-206-00619-X.

Ефремов А. В. Концепция Н. Я. Данилевского в оценках современников: 1870-е – 1890-е

References

Gumilev L. N. Essays. The end and the beginning again; Compiled by N. V. Gumilyov; [Preface, commentary, general ed. by A. I. Kurkchi; Foundation “The World of L. N. Gumilyov”]. Moscow: Bibl. inform. association “Tanais”: DI-DIK; 1994. 541 p. ISBN 5-87583-006-9. (In Russ.).

Danilevskij N. Ya. Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance. Moscow: Izvestia, 2003 (FSUE Publishing House Izvestia UD P RF). 605 p. (Thinkers of Russia: MR). ISBN 5-206-00619-X. (In Russ.).

Efremov A. V. The concept of N. Y. Danilevsky in the assessments of contemporaries: 1870s-1890s:

годы: автореф. дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. В. Ефремов; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2006. – 16 с.

Ильин Н. П. Трагедия русской философии / Н. П. Ильин. – Москва: Айрис-пресс, 2008. – ISBN 978-5-8112-3408-0. – EDN QWVKVT.

Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России / К. Н. Леонтьев. – Москва: Ин-т русской цивилизации, 2010. – ISBN 978-5-902725-48-0. – EDN QWXXHD.

Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. – Москва: Аспект пресс, 1999. – 555 с. – ISBN 5-7567-0217-2.

Для цитирования: Миронов А. В., Аванесова Г. А. Парадигмальный конфликт понимания России Нового времени // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 6(64). – С. 47–61.

DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.3

EDN DFBVEM

Сведения об авторах

Миронов Анатолий Васильевич

Доктор социологических наук,
Заслуженный работник высшей школы,
профессор Московского педагогического
государственного университета;
главный редактор журнала «Социально-
гуманитарные знания»

Author ID РИНЦ: 384641

soc-gum-zhurnal@yandex.ru

Аванесова Галина Алексеевна

Доктор философских наук, профессор
Московского педагогического
государственного университета

Author ID РИНЦ: 114520

9035038012@mail.ru

abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences: 07.00.02. *Mosk. ped. gos. un-t = Moscow Pedagogical State University. Moscow; 2006. 16 p. (In Russ.).*

Ильин Н. П. The Tragedy of Russian philosophy. *Moskva: Ajris-press = Moscow: Iris-press, 2008. ISBN 978-5-8112-3408-0. (In Russ.).*

Leont'ev K. N. Slavophilism and the future destinies of Russia. *Moskva: In-t russskoj civilizacii = Moscow: Russian Civilization Institute, 2010. ISBN 978-5-902725-48-0. (In Russ.).*

Erasov S. Comparative Study of Civilizations: A Textbook. *Moscow: Aspect Press; 1999. 555 p. ISBN 5-7567-0217-2. (In Russ.).*

История статьи:

Поступила в редакцию – 13.10.2023.

Одобрена после рецензирования –
09.11.2023.

Принята к публикации – 10.11.2023.

Information about authors

Anatoly V. Mironov

Doctor of Sociological Sciences,
Honored Worker of Higher Education,
Professor, Moscow Pedagogical State
University; Editor-in-Chief of the journal
“Social and Humanitarian Knowledge”
soc-gum-zhurnal@yandex.ru

Galina A. Avanesova

Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow Pedagogical State University,
9035038012@mail.ru

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.